

the Hollings Center
for international dialogue

Центр международного диалога им. Холлингса

Диалог

Региональный политический диалог о вызовах в Центральной Азии

октябрь 2013 г.

Центральная Азия – особый регион, который вряд ли может считаться регионом в полном смысле слова. Центральноеазиатские республики вовлечены в глобальную торговлю, но сравнительно мало торгуют друг с другом. Пограничный и таможенный контроль в этих странах функционирует слабо, несмотря на все программы международной помощи, продиктованные вполне благими намерениями. Большая часть новой инфраструктуры в регионе развивается для обслуживания внутренних нужд отдельных государств, а не для того, чтобы лучше связать их друг с другом. Центральная Азия продолжает пребывать в этом состоянии «не-региона», в то время как руководство США и других зарубежных стран стремится теснее привлечь центральноеазиатские республики к оказанию помощи Афганистану и сотрудничеству с ним. Концепция «нового Шелкового Пути» нацелена именно на усиление интеграции в рамках более широкого региона. Однако ее реализация наталкивается на ряд препятствий на международном, национальном и локальном уровнях.

Все наши попытки интеграции осуществляются «сверху вниз», а надо бы – «снизу вверх».

- участник конференции из Таджикистана

Какие новые идеи и подходы необходимы для того, чтобы Центральная Азия стала более динамично развивающимся регионом? Как можно поощрить республики Центральной Азии к тому, чтобы они активнее участвовали в поддержке Афганистана? Заинтересованы ли центральноеазиатские предприниматели и представители гражданского общества в региональной интеграции и, если да, то как достичь прогресса на этом пути?

Для поиска ответа на эти и другие вопросы Центр международного диалога им. Э.Холлингса (Центр Холлингса) организовал трехдневный Региональный политический диалог на тему «Региональные вызовы в Центральной Азии». Диалог состоялся 3-6 октября 2013 г. в Стамбуле (Турция) и собрал вместе ученых, предпринимателей, представителей гражданского общества, политиков, журналистов и специалистов в области социально-экономического развития для обсуждения ситуации в Центральной Азии и перспектив региональной интеграции. Эта встреча также предоставила гражданам центральноеазиатских стран уникальную возможность наладить контакты друг с другом и с представителями международного сообщества.

В ходе диалога его участники пришли к следующим выводам:

- Центральная Азия как регион существует только в концепции, но не в реальности. Для того чтобы развивать содержательное взаимодействие в духе сотрудничества, требуется уделять больше внимания специфическим вызовам, стоящим перед каждым из центральноеазиатских государств. Это позволит создать более благоприятные условия для экономической интеграции.

- Действия международного сообщества в регионе превратились в идеологическую «игру с нулевой суммой», которая противоречит заявленным целям поддержки региональной интеграции.
- Успешные примеры экономического взаимодействия и развития можно найти на микроуровне – в отдельных локальных контекстах, особенно в приграничных районах.
- Народы Центральной Азии проявляют завидную жизнестойкость, и предпринимательский дух и способность преодолевать трудности. Однако успешные малые предприятия нуждаются в поддержке для расширения деятельности и превращения в средний и крупный бизнес.
- В Центральной Азии остро назрела необходимость в развитии человеческого ресурса. Ему можно содействовать, инвестируя в образование. Именно вложения в образование могли бы стать наиболее ценными инвестициями со стороны иностранных государств. Они бы также способствовали развитию гражданского общества.
- Границы между странами Центральной Азии создают торговые барьеры не только в физическом, но и в психологическом смысле. Преодолеть психологические барьеры будет значительно труднее, особенно по отношению к Афганистану.

Региональный контекст

Страны, которые подпадают под общепринятое понятие «Центральной Азии» (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), объединяют общие черты и история – и, прежде всего, общая религия (ислам) и доминирование России как в имперский, так и в советский период. Происхождение современных центральноазиатских республик уходит корнями в сталинскую эпоху, когда были определены границы новых советских социалистических республик и часть населения была вынужденно перемещена. Это было сделано таким образом, чтобы искусственно разрушить существующие связи внутри региона с целью снизить вероятность противостояния советскому государству. В вошедших в состав СССР центральноазиатских республиках были сформированы командная экономика и однопартийная система, закрепившие доминирование Москвы. После распада Советского Союза перед постсоветскими республиками встали схожие проблемы и задачи политической и экономической либерализации. Именно сквозь эту общую призму Центральная Азия и рассматривается как единый регион.

Однако за 20 лет, прошедших с распада СССР, эти новые государства, столкнувшись как с общими постсоветскими вызовами, так и с проблемами, уникальными для каждого из них, сформировали свои, собственные идентичности. В то же время советские границы, оставшиеся в наследство от сталинской эпохи, препятствуют региональной интеграции, тормозя усилия по установлению внутригосударственных и межгосударственных связей и контактов. Факторы, мешающие региональной интеграции, существуют и в Афганистане. В результате Центральная Азия как регион существует лишь на концептуальном уровне. Сложившееся в каждом из центральноазиатских государств статус-кво создает свои специфические помехи для перевода этой концепции в практическую плоскость:

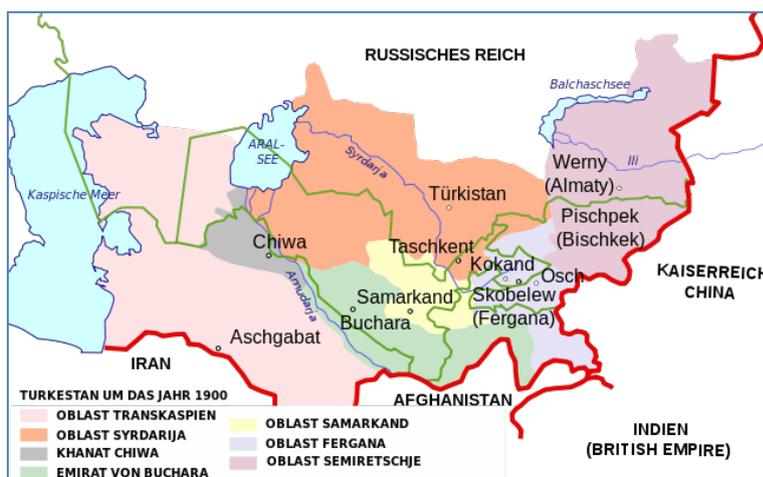
- **Казахстан:** С точки зрения потенциала интеграции и международной торговли, Казахстан – это «луч света в темном царстве». Руководство страны на долгосрочной основе активно проводит стратегию развития рыночной экономики и привлечения иностранных инвестиций. Казахстан заключил множество двусторонних соглашений со странами за пределами Центральной Азии и избрал многовекторную экономическую стратегию вступления как в ВТО, так и в Таможенный союз с Россией. Однако сотрудничество Казахстана с центральноазиатскими странами в лучшем случае носит спорадический характер. Отсутствие политической либерализации способствует расцвету коррупции и обостряет надвигающуюся проблему передачи власти, углубляющуюся по мере старения нынешнего политического руководства.

- **Узбекистан:** Участники диалога признали, что правительство Узбекистана бросает вызов региональной интеграции, а государственная система страны построена таким образом, что делает региональную интеграцию для Узбекистана практически невозможной. Функционирование государственной системы в Узбекистане в высшей степени централизовано; даже самому малому бизнесу для ведения торговых операций требуется получить одобрения на уровне министерства. В целом региональное сотрудничество вызывает подозрения у государственной власти.
- **Кыргызстан:** Из всех центральноазиатских республик в Кыргызстане сформировалось наиболее активное и динамичное гражданское общество. Однако со времен обретения независимости и по сей день этот процесс часто сопровождается политической нестабильностью и беспорядками. Государственная власть в Кыргызстане относительно слаба, а частая смена правительств делает практически невозможной разработку долгосрочной экономической стратегии и способствует одному из самых высоких в регионе уровней коррупции.
- **Таджикистан:** Последствия пятилетней гражданской войны 1990-х гг., нестабильность и голод в Таджикистане привели к масштабной трудовой миграции населения в соседние и близлежащие государства, особенно в Россию. Это сделало Таджикистан крайне зависимым от переводов со стороны таджикских мигрантов как источника капитала. По данным Всемирного банка, общий объем этих денежных переводов составляет 2,1 млрд. долл. в год, или около 32% номинального ВВП страны. В более позитивном плане, открытие в 2011 г. нового моста между Таджикистаном и Афганистаном улучшает возможность доступа стран Южной Азии к таджикским сырьевым ресурсам. Однако торговый потенциал страны ограничен слабостью ее людских ресурсов и отсутствием вложений в человеческий капитал.
- **Туркменистан:** По данным Всемирного банка, экономика Туркменистана демонстрирует наиболее высокий и устойчивый рост в регионе, составивший 11,1% ВВП в 2012 г. Однако этот рост в основном является производным от значительных запасов нефти и природного газа. Государственная система, основанная на господстве правящей партии, способствует высокому уровню коррупции и неравномерному распределению доходов. Экспортная инфраструктура остается недоразвитой, а уровень безработицы – запредельно высоким.
- **Афганистан:** Для Афганистана 2014 год станет важным переходным периодом, на который запланированы вывод большей части сил США и НАТО, а также президентские выборы (апрель 2014 г.). На фоне идущего полным ходом вывода войск уже наблюдаются признаки экономического спада. Установлению нормальных торговых связей с северными соседями – республиками Центральной Азии – препятствуют глубоко укоренившиеся фобии и предрассудки, а также проблемы с инфраструктурой и незаконный оборот наркотиков. Однако существуют и положительные примеры торговых связей, которые могут стать основой для развития трансграничного сотрудничества, особенно в области энергетики, сельского хозяйства и текстильного производства.

За период с начала 1990-х гг. и по сей день центральноазиатские страны, по выражению одного из участников диалога, «сумели опровергнуть наиболее мрачные ожидания и прогнозы и добились значительных достижений». Иными словами, в регионе, безусловно, существует потенциал для дальнейшего развития. Однако, при всей значительности достижений, сами эти достижения зачастую влекут за собой новые проблемы. Как отмечается в приложении к данному отчету, перед регионом стоят и новые актуальные вызовы.

Проблемы стратегий на макрорегиональном уровне

В центральноазиатских республиках существует масса факторов, подрывающих концепцию регионализма. Один из наиболее значительных факторов связан с историей формирования границ между центральноазиатскими народами. До революции октября 1917 г. границы автономных районов и областей российского Туркестана сильно отличались от существующих сегодня. Крупные города были столицами соответствующих областей, а административное деление проводилось с учетом различных этнических анклавов. В середине 1920-х гг., уже при Сталине, были проведены новые границы с целью ослабить и нейтрализовать потенциальные угрозы советской власти. Как отметил один из участников диалога, «границы, доставшиеся нам в наследство от сталинского режима, были проведены таким образом, чтобы разделить народы и вынудить их искать лидера и главного партнера в области торговли и человеческого капитала в лице России». Надеяться на то, что это изменится – это принимать желаемое за действительное.” Другой участник отметил, что между центральноазиатскими столицами практически не существует авиасообщения и даже элементарные взаимные контакты часто требуют выезда за пределы региона, в том числе транзита через территорию России.

Административное деление российского Туркестана в 1900 г.
Современные границы обозначены зеленым цветом.

Источник: Wikipedia. Автор: NylgeriaK

сотрудничества (Китай) – а также по линии неправительственных организаций, агентств по развитию и корпораций. Однако реальные действия этих внешних игроков имеют обратный эффект, демонстрируя преобладание интересов отдельных государств над общерегиональными подходами.

Прежде всего, эти внешние державы рассматривают Центральную Азию в несколько искусственном контексте, воспринимая ее как регион наподобие Европы как зоны охвата Европейского Союза. Они не признают наличия между центральноазиатскими республиками глубоких различий и проблем – различий, которые только усиливаются благодаря действиям самого международного сообщества. В частности, в течение всего периода после распада Советского Союза в 1991 г. западные страны упирали на необходимость защиты суверенитета каждой из новых независимых республик. Эта политика эффективно содействовала укреплению государственного суверенитета, но такое укрепление шло за счет регионального сотрудничества. Если региональное сотрудничество и существует, то пока в основном в виде ограниченных двусторонних соглашений между центральноазиатскими странами. При этом многие такие соглашения носят чисто декларативный характер или слабо реализуются. Пока возможность как-то сбалансировать соблюдение государственного суверенитета с регионализмом не просматривается.

Возникающие в регионе разделительные линии усугубляются действиями НПО, иностранных корпораций и различных агентств по социально-экономическому развитию, которых гораздо больше интересует укрепление институтов власти внутри каждого их государств региона, чем региональное сотрудничество и общественные институты, которые бы больше соответствовали духу регионализма. Эти зарубежные организации рассматривают оказание поддержки

государственным институтам как способ стимулировать и защитить иностранные инвестиции и укрепить стабильность. Однако, как отмечали некоторые участники диалога, оказание помощи институтам государственной власти в ряде центральноазиатских стран оборачивается поддержкой жестких, коррумпированных и грабительских режимов. Как подчеркнул один из выступающих, «Не случайно, что наибольший общественный плюрализм в регионе наблюдается там, где государство наиболее слабое, и это должно служить предупреждением тем политикам на Западе, которые стремятся укрепить государственные структуры и силу». Между тем именно общественный плюрализм может стать мотором региональной интеграции. Вместо этого действия внешних игроков в регионе направлены на усиление присутствия и потенциала государственной власти, которая, в свою очередь, мало заинтересована в сотрудничестве с соседними государствами.

Международное присутствие и помощь привели также к обострению конкуренции между центральноазиатскими государствами за те или иные «пакеты» иностранной помощи или инвестиции со стороны иностранных корпораций. Большая часть иностранной помощи сфокусирована на сфере безопасности, что отвечает коренным интересам правящих в регионе элит. В некоторых случаях правительство (например, Узбекистана) изображает соседние страны в крайне негативном тоне в целях получения внешней помощи в области безопасности. Такое соперничество и нарочитое выпячивание недостатков в других государствах сужает возможности для сотрудничества. Кроме того, создаются условия для превращения ряда государств региона в страны, полностью зависимые от внешней помощи.

Основные внешние державы подходят к региональной интеграции с позиции противостояния друг другу, что превращает ее в «игру с нулевой суммой». Региональные стратегии таких держав, как США и Россия, приобрели полностью идеологизированный характер. В рамках этих стратегий все программы, договоры и организации, скорее, отражают национальные приоритеты США и России, чем продиктованы их стремлением помочь в развитии экономики региона. В результате центральноазиатские государства вынуждены проводить многовекторную политику, лавируя между противоречащими друг другу подходами внешних игроков, зачастую не в интересах стран региона. Наиболее ярким примером является Кыргызстан. Эта страна вступила в ВТО и планирует вступить в Таможенный союз. Однако в той спешке, с которой правительство Кыргызстана вступило в ВТО, ему пришлось согласиться на сравнительно низкие тарифы, что подорвало местное производство, которое не может конкурировать с импортными товарами. Тот же эффект ожидается и от вступления Кыргызстана в Таможенный союз. Такая разнонаправленность ставит перед руководством страны и определенные политические проблемы, учитывая, например, публичную критику со стороны США в адрес Таможенного союза.

Попытки создания региональных торговых цепочек должны исходить из существующих реалий. На данном этапе большинство стран региона экспортируют сырьевые ресурсы для переработки в России или Китае. Взамен центральноазиатские страны получают произведенные товары. Участники диалога поднимали вопрос о том, как Центральной Азии преодолеть такой сильный торговый дисбаланс, если «85% экспорта Китая в центральноазиатские страны составляют поставки готовых товаров». Шансов изменить эту ситуацию пока мало, учитывая небольшой объем рынка каждой из стран региона. Даже все центральноазиатские рынки вместе взятые не могут конкурировать по объему с рынками России (ВВП которой составляет 3,3 трлн. долл.) или Китая (с ВВП объемом в 12,4 трлн. долл.). Внешнеторговые партнеры центральноазиатских стран явно стремятся к тому, чтобы рынки региона были открыты для их товаров, а не наоборот.

Макрорегиональные подходы также упираются в тот простой факт, что сами центральноазиатские правительства не заинтересованы в реальной интеграции или сотрудничестве с соседями по региону. В интересах защиты суверенитета и сохранения правящими режимами своих политических привилегий руководство стран региона опасается любой взаимозависимости. Как отметил один из участников семинара, «вопрос номер один – это безопасность [правлящего режима], и уже из этого проистекает все остальное. Например, предложение прямых иностранных инвестиций Узбекистану для создания 100 000 рабочих мест будет отвергнуто властями, если оно

не отвечает интересам безопасности правящих кругов». Это отчетливо проявляется и в тех трудностях, с которыми сталкиваются торговцы на границах центральноазиатских государств. Средняя скорость транзита товаров через Центральную Азию составляет всего 25 км/ч. Такая низкая скорость в основном объясняется даже не слабой транспортной инфраструктурой, а задержками на границах или перекрытием границ. Озабоченность правительств центральноазиатских государств распространением радикального исламизма, наркотрафика и других потенциально дестабилизирующих элементов также служит значительным препятствием реальному региональному сотрудничеству.

Инициативы «снизу»

Причина успеха усилий «снизу», на местном уровне, кроется в жизнестойкости населения Центральной Азии. Отмеченная участниками диалога готовность жителей региона, не имеющих отношения к властным структурам, учиться новому и торговать несмотря ни на что приводит к тому, что местные предприниматели находят способы обойти коррупционные схемы. Если рассматривать только отношения между правительствами центральноазиатских стран и между их столицами, то признаки региональной интеграции отсутствуют. Однако выступающие приводили массу примеров успешной интеграции между, например, населением приграничных районов.

- Жители приграничных районов не ждут, пока их правительства договорятся о том или ином режиме торговли; они создают собственные экономические зоны и устанавливают прямые торговые взаимоотношения.
- Примером такой экономической активности на местном уровне может служить организация «Памир Энерджи» (Горно-Бадахшанская автономная область, Таджикистан), которая разрослась до компании со штатом в 600 человек и успешно модернизировала линии электропередачи для того, чтобы электроэнергию можно было экспортировать.
- В Афганистане бурно развивается торговля одеждой и сухофруктами, часть которой идет транзитом через Центральную Азию на другие рынки. Эта торговля вдохновила многих местных предпринимателей, особенно женщин, на то, чтобы начать свой малый бизнес. Однако некоторые виды транзитной торговли, особенно свежей продовольственной продукцией, сталкиваются с проблемами, так как задержки на границах приводят к порче товара.

Краткосрочным решением многих экономических проблем в Центральной Азии служит трудовая миграция за пределы региона. Участники семинара подчеркивали, что население центральноазиатских стран гораздо быстрее ощущает непосредственный социально-экономический эффект от денежных переводов мигрантов, чем от прямых иностранных инвестиций и зарубежной помощи. Благодаря «денежным инъекциям» в виде заработанных за рубежом средств семьи обретают покупательную способность, что, в свою очередь, поддерживает местную торговлю. Однако в долгосрочном плане денежные переводы от трудовых мигрантов имеют свои издержки. Экономика таких стран Центральной Азии, как Таджикистан, стала сильно зависимой от денежных переводов из-за рубежа. Наличие такого источника дохода, как денежные поступления от мигрантов, тормозит развитие человеческого капитала, среднего и крупного бизнеса и соответствующей торговой инфраструктуры в самих странах региона. Негативные последствия такой сильной зависимости от трудовой миграции для социальной структуры семьи, соблюдения прав женщин и возможности заработать на пенсию по старости очевидны, хотя и слабо поддаются измерению. Поэтому трудовая миграция служит лишь временной мерой. Если в краткосрочной перспективе она и позволяет населению каким-то образом «перебиваться» и выживать, то лишь за счет устойчивого экономического развития стран региона в долгосрочном плане.

Несмотря на рост трудовой миграции за рубеж, участники диалога обратили внимание на развитие класса предпринимателей в самой Центральной Азии и, прежде всего, владельцев малого бизнеса в приграничных районах. Как отметил один из выступающих, «теперь престижно владеть контейнером на базаре». Такой малый бизнес лучше других умеет ориентироваться в мире низовой коррупции, ухитряясь минимизировать связанные с ней издержки и зарабатывать при этом на жизнь. Небольшая взятка способна открыть даже самые «закрытые» границы, и многие мелкие предприниматели активно ищут и находят лазейки и схемы для организации трансграничной торговли. В глазах многих участников диалога из разных стран региона наибольшую проблему представляет даже не столько коррупция внутри собственного государства, сколько действия соседних стран и международного сообщества в целом. Это иллюстрируют два конкретных примера. Первый связан с существующей в Кыргызстане системой лицензионных сборов и пошлин, согласно которой пошлина взимается в зависимости от веса груза или числа установок или машин, а не их оценочной стоимости. Для этой системы iPhone ничем не отличается от сельскохозяйственной продукции, что препятствует получению экономической добавленной стоимости. Другой пример, приведенный одним из участников, – проект одного иностранного агентства по оказанию помощи по введению кассовых аппаратов на базаре в Кыргызстане, чтобы можно было отслеживать продажи и вычислять налоговые платежи. Так как агентство не пыталось узнать и учесть мнение торговцев и местного населения по этому поводу, его усилия спровоцировали социальный взрыв и громкий отказ от предложенного проекта. В этом контексте участники диалога согласились в том, что международные доноры должны сконцентрироваться не столько на борьбе с «низовой коррупцией», сколько на том, чтобы заручиться поддержкой реализуемых на местах программ социально-экономического развития со стороны населения.

Коррупция и поборы со стороны государства больше вредят тому малому бизнесу, который стремится превратиться в средний или крупный. Как отметил один из выступающих, «как только предприятие становится крупным, оно сразу превращается в объект пристального внимания и вмешательства со стороны государства. Даже расширение бизнеса за пределы страны требует разрешения со стороны правительства и зачастую упирается в свод “неписаных правил” и ограничений, причем не обязательно политического свойства». Трудности, с которыми сталкивается владелец такого бизнеса, варьируются от одной страны региона к другой, однако в целом надежда на то, что в обозримом будущем коррупцию удастся ограничить, отсутствует. Как остро заметил один из участников диалога, «коррупция – это *raison d’etre*, т.е. смысл существования, государства. Она и есть государство».

По мнению ряда участников диалога, решение многих из этих проблем, в том числе создания возможностей для развития «инициативы снизу», состоит в том, чтобы уделять больше времени, внимания и ресурсов развитию человеческого капитала. Как отметил один из выступающих, «объем помощи, которая идет на поддержку развития демократии и гражданского общества, невелик. Все идет на цели экономического развития, в том время как развитию людских ресурсов уделяется очень мало внимания». Участники диалога призвали к значительным инвестициям в образование как эффективной стратегии долгосрочного развития, которая имеется в распоряжении международного сообщества, к тому же стратегии, которая может вызвать интерес и получить поддержку как на государственном, так и на локальном уровне. Наряду с привитием технических и предпринимательских навыков на местах, которое может помочь населению вырваться из замкнутого круга, снизив его зависимость от денежных переводов из-за рубежа и трудовой миграции, поддержка образования может использоваться и для высвечивания позитивных аспектов развития бизнес-сектора в каждой из стран региона. При оказании такой помощи интересы центральноазиатских государств и обществ будут учитываться на разных уровнях. Поддержка и продвижение на уровне государственных элит позитивных, общественно полезных аспектов развития бизнес-сектора может стимулировать реформы в области пограничного контроля и налогообложения. На местном уровне обучение бизнес-навыкам может стимулировать развитие новых форм экономической активности и поддерживать престиж растущего предпринимательского класса.

Преодолевая психологические и физические границы

Вне зависимости от мер, принимаемых на субрегиональном или на внутригосударственном уровне в странах региона, границы в Центральной Азии останутся серьезным препятствием региональной интеграции. Однако они же могут стать отправной точкой для решения многих из описанных выше проблем. Современные границы были проведены искусственно и в не столь отдаленном прошлом. Они могут быть вполне проницаемыми для легальных поставок товаров и передвижения людей, если страны региона смогут выработать адекватные стратегии, которые позволят найти оптимальный баланс между интересами, связанными с безопасностью и транзитной торговлей.

Некоторые из проблем, связанных с границами, носят физический характер. Пропускные пункты нередко закрываются произвольно и без особых причин, а иногда используются как средство внешнеполитического давления на двусторонних переговорах с соседними странами, а также как внутривнутриполитический инструмент, способствующий созданию рабочих мест и создающий иллюзию сильной власти и безопасности. По словам одного из участников диалога, который сам живет в приграничном городе, жители могут достаточно точно предсказать, когда грянет очередное перекрытие границы, по резкому росту цен на товары на местных рынках. Часто власти закрывают пропускные пункты без всякого предупреждения, ничего не объясняя местному населению, что сильно вредит развитию предпринимательской активности.

Пограничный переход между Кыргызстаном и Казахстаном в районе г. Кордай в 2007 г.

Источник: [Wikimedia Commons](#). Автор: [Vmenkov](#)

Однако проблемы с границами носят не только физический характер. В случае с Афганистаном существуют еще и психологические барьеры. Единственная относительно «открытая» для нормальной торговли граница Афганистана – это его северная граница со странами Центральной Азии. Недавно было закончено строительство нового моста через реку Пяндж, разделяющую Афганистан и Таджикистан. США поощряют развитие торговых связей Афганистана с его северными соседями, рассматривая ее как один из факторов стабилизации ситуации в стране в контексте намеченного на 2014 г. вывода иностранных войск. Однако на уровне психологии афганцы все еще рассматривают северную границу как «закрытую», предпочитая развивать торговые отношения (как легальные, так и нелегальные) вдоль «линии Дюрана», т. е. границы с Пакистаном, и вдоль границы с Ираном. В понимании многих афганцев физических границ с Ираном и Пакистаном просто не существует. В отличие от этих границ, границы Афганистана со странами Центральной Азии ассоциируются у афганцев с тяжелым наследием прошлого (советским вторжением 1979 г.), а у центральноазиатских стран – с опасениями по поводу угрозы распространения нестабильности и радикализма после вывода американских войск из Афганистана. Руководство центральноазиатских стран еще больше раздувает эти глубоко укоренившиеся фобии и играет на них в собственных политических целях. Преодоление этой «разделительной» психологии будет иметь решающее значение для улучшения торгового климата и перспектив региональной интеграции.

Подчеркивая важность применения точечных стратегий на микро-уровне, участники семинара высказали следующие предложения по улучшению пограничных условий в Центральной Азии:

- Сосредоточить оказание конкретной помощи на определенных пропускных пунктах вместо разработки неких размытых, всеобъемлющих стратегий по улучшению пограничного режима в целом;
- Заручиться поддержкой любых программ социально-экономического развития со стороны местного населения. При этом программы должны быть сформулированы таким образом, чтобы обеспечить им поддержку и на высших уровнях власти – с тем, чтобы усилия на местном уровне не оказались под угрозой и не были потрачены впустую.
- Содействовать созданию системы информирования населения в приграничных зонах о решениях властей закрыть границы. Часто местных жителей вообще не оповещают о перекрытии границ или о причинах таких действий. Иногда – например, в случае закрытия границ с целью предотвратить распространение инфекционных заболеваний сельскохозяйственных культур – своевременная информация со стороны властей может быть очень полезной для местных торговцев и помочь им вовремя принять меры по сохранению своего бизнеса.
- Предпринять усилия по открытию большего числа консульств в странах региона за пределами их столиц. Странам региона особенно важно открыть консульские представительства в тех приграничных районах соседних государств, которые являются главными центрами трансграничной торговли. Это позволит центральной власти наладить более оперативную связь с приграничной торговлей и не допускать опасного промедления в решении небольших споров и недоразумений.
- Сосредоточиться не столько на механическом увеличении численности погрансил для обеспечения охраны границ, сколько на улучшении взаимодействия между пограничными службами соседних стран. Такие программы могут облегчить массу проблем на пропускных пунктах, которые приводят к задержкам транзитной торговли, а также укрепить трансграничные связи на местном уровне, тем самым содействуя экономическому росту за счет «инициатив снизу».

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Основные достижения и вызовы

Позитивные достижения	Актуальные вызовы
<p>Предпринимательский дух в регионе растет; народы Центральной Азии готовы учиться и открыты новым идеям.</p> <p>На местах возникает все больше инициатив по созданию малых предприятий, которые находят способы обойти низовую коррупцию на локальном уровне.</p>	<p>Росту предпринимательской активности препятствуют засилье бюрократии и поборы со стороны коррумпированной власти.</p> <p>Малому бизнесу необходима поддержка для дальнейшего роста и противостояния незаконным поборам со стороны властей.</p>
<p>Местные жители активно взаимодействуют и сотрудничают друг с другом. Это создает новые возможности и позволяет находить конструктивные решения проблем. Отношения между людьми носят прагматичный и товарищеский характер.</p> <p>В регионе расширяется доступ к интернету и другим технологиям, что открывает новые информационные возможности и доступ к новым рынкам.</p>	<p>Необходимо укреплять связи между приграничными районами по обе стороны границ и между основными городскими центрами таких районов, а также между столицами центральноазиатских государств.</p> <p>Использование новых технологий все еще не по карману большинству населения, а доступ к интернету в любой момент может быть заблокирован властями.</p>
<p>Уровень личной безопасности в регионе повысился, что улучшает условия для передвижения людей как внутри региона, так и между центральноазиатскими странами и Афганистаном.</p> <p>В регионе улучшается доступ к западному образованию по мере активизации обменов, стипендиальных программ и открытия филиалов западных университетов.</p>	<p>Внутрирегиональную транзитную торговлю все еще затрудняют слабая инфраструктура и отсутствие прямого авиасообщения.</p> <p>Улучшение доступа к западному образованию уже вызывает опасения по поводу «утечки мозгов», но еще недостаточно для того, чтобы содействовать формированию предпринимательского класса и динамичного гражданского общества.</p>
<p>Центральная Азия служит источником масштабной трудовой миграции, которая улучшает социальное положение семей, дает региону остро необходимые ему денежные средства, позволяет некоторым женщинам играть более активную роль в обществе и способствует обретению центральноазиатскими работниками необходимых трудовых навыков.</p> <p>Между центральноазиатскими странами и Афганистаном растет торговля, особенно текстильными и сельскохозяйственными товарами.</p>	<p>Эмиграция нарушает традиционные семейные связи, разделяя семьи. Экономика некоторых районов стала чрезмерно зависимой от денежных поступлений от трудовых мигрантов.</p> <p>Торговлю центральноазиатских стран с Афганистаном затрудняют глубоко коренившиеся фобии и предрассудки по обе стороны границы, в том числе преувеличение угрозы распространения радикализма.</p>

the Hollings Center
for international dialogue

Центр международного диалога им. Э.Холлинга – некоммерческая неправительственная организация, задачей которой является содействие диалогу между США и странами с преимущественно мусульманским населением на Ближнем Востоке, в Южной Азии, Северной Африке, Евразии и Европе. В этих целях Центр Холлинга организует конференции для поиска новых подходов к важнейшим международным вопросам и развития контактов между лидерами общественного мнения и экспертами. Центр Холлинга базируется в Вашингтоне (США) и имеет отделение в Стамбуле (Турция). Основные программы Центра ведутся в Стамбуле – городе, роль которого как исторического перекрестка делает его идеальным местом для многонационального диалога.

Подробнее о задачах, истории и финансировании Центра им. Холлинга см.:

<http://www.hollingscenter.org/about/mission-and-approach>
info@hollingscenter.org

Наш адрес в Твиттере: [@HollingsCenter](https://twitter.com/HollingsCenter)